

Л. М. МАКСИМОВА

«СОБРАНИЕ РУССКИХ ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКИХ РАБОЧИХ» (ГАПОНОВЩИНА)

Русский «полицейский социализм» возник в самом конце XIX — начале XX века как реакция на массовый революционный подъем рабочего движения. Сила и размах этого движения были таковы, что справиться с ним традиционными методами репрессий было уже невозможно.

Понадобилась особая политика изощренной демагогии и заигрывания с рабочим классом, подкупа его мелкими экономическими реформами, рассчитанная на отвлечение масс от политической борьбы. Разглядев в «полицейском социализме» серьезную опасность для рабочего движения и считая необходимым проводить против него неуклонную борьбу, В.И. Ленин в статье «Политическая борьба и политикапство», напечатанной в «Искре» в октябре 1902 года, так определил сущность его «Обещание более или менее широких реформ, действительная готовность осуществить крохотную частичку обещанного и требование за это отказаться от борьбы политической.»¹

Зачинателем «полицейского социализма» в России был С.В. Зубатов, занимавший в конце XIX века должность начальника московского охранного отделения. Продолжателем его политики явился священник петербургской пересыльной тюрьмы, тайный агент департамента полиции Георгий Гапон, создавший новую разновидность «полицейского социализма» — гапоновщину.

Эта статья, посвященная деятельности гапоновского «Собрания русских фабрично-заводских рабочих», является непосредственным продолжением статьи «Возникновение «Собрания русских фабрично-заводских рабочих», опубликованной в «Очерках истории дореволюционной России», изданных в Уфе в 1972 году, где прослеживается преемственная связь зубатовщины и гапоновщины, показывается история возник-

¹В. И. Ленин, ПСС., т. 7, стр. 37

повенция гапоновщины до момента официального открытия «Собрания русских фабрично-заводских рабочих». Там же дана краткая историография проблемы.

* * *

Официальное открытие «Собрания русских фабрично-заводских рабочих» произошло 11 апреля 1904 года вскоре после утверждения министерством внутренних дел устава этого общества

Несмотря на то, что зубатовщина под натиском массового рабочего и революционного социал демократического движений потерпела крах, правительство все еще возлагало большие надежды на подновленную зубатовщину-гапоновщину

Жандармский подполковник Кременецкий, составляя справку о положении дел в гапоновском обществе в июле 1904 года, оценивал «Собрание» «как благожелательный общественный элемент» и выражал самые радужные надежды на его будущее, «Присматриваясь к деятельности «Собрания», — высказывал Кременецкий свои соображения, — невольно начинаешь верить в его жизнеспособность и в его могущее быть весьма благотворным влиянием на рабочую массу: опыт жизни самого «Собрания», хотя и кратковременный, служит тому порукой».¹

Вновь открывшемуся «Собранию» покровительствовали департамент полиции и министерство внутренних дел, почетным членом гапоновского общества состоял петербургский градоначальник Фулон, деятельностью «Собрания» ингересовался лично Плеве.

Окрыленные вниманием царской администрации, узаконившей деятельность новой разновидности «полицейского социализма», гапоновцы развернули широкую агитацию по привлечению рабочих в свою организацию.

С этой целью на фабрики и заводы С-Петербурга были посланы агитаторы, расклеивавшие особые извещения с приглашением рабочих вступать в члены «Собрания русских фабрично-заводских рабочих». Агитаторы из общества, рекламируя «Собрание», делали усиленный акцент на то, что в помещениях «Собрания» якобы «можно свободно собраться, «свободно обсуждать свои нужды» и даже «сговариваться о повышении заработной платы»² Кроме того, можно было, как утверждали гапоновские агитаторы, приятно отдохнуть на вечерах, устраиваемых обществом К услугам рабочих библиотека, читальный зал, чайная, лекции «по политике и экономике» Желающие могли записаться в хор. На вечерах для молодежи предполагались игры и танцы.

¹ ЦГАОР СССР, ф. 102, ДП, 00, 1901 д. 801 ч. 4, л. 50.

² ЛПА, ф. 4000, оп. 5, ед. хр. 329, л. 1

Все это было необычным для условий царской России, где палочная система была главным «воспитательным» началом. Поэтому столь необычная агитация вызвала определенный резонанс среди рабочих. Некоторая часть рабочих отнеслась к «рабочему обществу» с подозрением, разглядев в нем под влиянием социал-демократической пропаганды зубатовскую, полицейскую закваску. По городу ходили упорные слухи, что «Собрание русских фабрично-заводских рабочих» полицейское общество. Однако значительная масса малоразвитых рабочих приняла «Собрание» как «царскую милость», как «проявление заботы о рабочих» и с интересом приглядывалась к деятельности «Собрания». Именно на такую категорию рабочих рассчитывал Гапон.

30 мая 1904 года был открыт Нарвский отдел гапоновского общества на Петергофской улице в доме № 42, именуемый гапоновцами первым отделом. На открытие его был приглашен С-Петербургский градоначальник. «К моему великому удовольствию,— писал Гапон впоследствии в своих «Записках»,— генерал Фулон принял мое предложение присутствовать на митинге при открытии первого отделения Союза»¹. Градоначальнику была по душе роль «благодетеля рабочих». Он считал своей обязанностью лично присутствовать при открытии новых отделов гапоновского общества, всячески покровительствуя их деятельности.

Вновь открываемое отделение было щедро одарено как департаментом полиции, так и охранным отделением. Из 360 рублей, потребовавшихся на открытие первого отдела, 150 рублей были даны особым отделом департамента полиции, а 210 рублей С-Петербургским охранным отделением»², — о чем сообщал подполковник Кременецкий в специальном докладе о деятельности «Собрания».

Ко времени открытия первого отдела гапоновского общества в его составе было уже 750 человек³, как явствует из документов особого отдела департамента полиции. Однако число членов, плативших членские взносы, было очень невелико. «Так по сохранившимся отчетам с 11 апреля по 1 мая 1904 г. было только 170 человек аккуратно заплативших вступительный и ежемесячный взносы»⁴, — сообщает историк профессионального рабочего движения в России, современник событий, В. Святловский.

¹ Гапон Г. Записки Г. Гапона (Очерк рабочего движения в России 1900-х гг.) М., 1918, стр. 49.

² ЦГАОР СССР ф. 102, ДП, 00, 1901 д. 801 ч. 4, л. 496—50.

³ Там же, л. 50.

⁴ Святловский В. Профессиональное движение в России. СПб, 1917, стр. 80.

Летом 1904 года готовилось открытие второго отдела гапоновского общества на Васильевском острове, 7 августа было открыто и это отделение.

Таким образом, к осени 1904 года существовало три отделения «Собрания русских фабрично-заводских рабочих»: Первое—Нарвское отделение, второе—Василеостровское и третье—Оренбургское (или Выборгское), которое положило начало всей деятельности гапоновского общества.

19 сентября 1904 года состоялось первое общее заседание всех членов «Собрания» трех гапоновских отделов. Собрание происходило в самом большом помещении С-Петербурга, зале Павловой по улице Троицкой в доме № 13. «В заседание явилось около 1 500 действительных членов»¹,— сообщалось в журнале заседания «Собрания». По свидетельству Святловского, в казначейской книге гапоновского «Собрания» в это время числилось 1 200 человек².

Это собрание имело очень большое значение в деле развития общества. На собрании были поставлены вопросы о дальнейшем расширении дела, об организации отделов как в самом Петербурге, так и в его окрестностях. Было запланировано открытие отделов в пригороде Колпино и Сестрорецке.

Период с сентября до конца 1904 года ознаменовался в жизни общества открытием всех остальных отделов общества, которых в общей сложности было одиннадцать. Были открыты в это время отделы Невский, Коломенский, Петербургский, Рождественский, Московский, на Обводном канале и Колпинский. Последним из отделов был Колпинский, открытый 30 декабря 1904 года. В Сестрорецке отдел так и не успел организовать.

Для более ясного понимания методов практической деятельности гапоновского общества и сложности борьбы против этой разновидности «полицейского социализма» необходим подробный анализ устава гапоновского «Собрания», позволяющий выяснить организационные принципы построения общества, выявить постановку обществом задач своей практической деятельности и, по возможности широко привлекая имеющиеся в нашем распоряжении архивные и другие документы, показать практическую деятельность отделов гапоновского «Собрания».

Допущение к существованию новой разновидности зубатовщины было обставлено самым неусыпным надзором департамента полиции и градоначальника за деятельностью «Соб-

¹ ГИАЛО, ф. 2231, оп. 1, ед. хр. 1, л. 19.

² Святловский В. Профессиональное движение в России. СПб., 1907, стр. 80.

рация русских фабрично-заводских рабочих» В уставе общества подчеркивалось, что «Собрание» находится в ведении министерства внутренних дел» (§ 57)¹

Задачи и цели деятельности «Собрания» как явствует из первого параграфа устава были самыми верноподданническими и «благонамеренными». «Собрание» учреждалось: а) для трезвого и разумного проведения членами свободного от работы времени с действительной для них пользой как в духовно-нравственном, так и в материальном отношении; б) для возбуждения и укрепления в среде членов рабочих русского национального самосознания; в) для образования и развития в них разумных взглядов на обязанности и права рабочих; наконец, г) для проявления членами «Собрания» самостоятельности способствующей законному улучшению условий труда и жизни рабочих»²

Во главе «Собрания» практически стоял кружок ответственных перед правительством лиц, из числа которых сроком на три месяца выбиралось правление «Собрания», которое выполняло однако чисто исполнительские функции. Ответственными лицами являлись учредители общества. Общее руководство осуществлялось представителем «Собрания», роль которого исполнял Галон.

Демагогически завуалировав роль руководителя «Собрания», практически платного агента охранного отделения, царская администрация наделила его неограниченными правами, которые позволяли бы представителю «Собрания» быть в курсе всех событий, связанных с деятельностью общества и контролировать ее. «Представитель «Собрания» считается уполномоченным его по всем делам. является главным руководителем и контролером всей деятельности «Собрания»³, — говорилось в § 16 устава. Вся переписка «Собрания» влась только через представителя, им же назначались вопросы и дела на обсуждение и решение правления. Исполнение кружка ответственных лиц, а также выборы правления возможны были только с ведома и разрешения представителя «Собрания». «В случае каких-либо противозаконных действий» кого-либо из членов ответственного кружка представитель, как говорилось в § 18 устава, имел право «немедленно исключить» его из кружка ответственных лиц без всякого предупреждения⁴

Совершенно очевидно, что такая зависимость «Собрания»

¹ ЦГИА СССР, ф. 22, оп. 1, ед. хр. 749, л. 13.

² Там же, л. 2.

³ Там же, л. 5.

⁴ Там же, л. 6.

от представителя была ничем иным как ловкой формой полицейского контроля за делами «Собрания».

Но контроль и надзор за всей деятельностью «Собрания русских фабрично-заводских рабочих» осуществлялся и со стороны градоначальника, обладавшего чрезвычайно широкими правами. От градоначальника зависело утверждение в должности самого представителя и кружка ответственных лиц. Правление «Собрания» обязано было доводить до сведения С-Петербургского градоначальника «о дне, месте и предметах, подлежащих обсуждению в общем собрании». Кроме этого, градоначальник «по усмотрению своему» «командирует чинов полиции для присутствия в общих собраниях»¹ Лекции для рабочих, «особенно по рабочему вопросу, происходят *обязательно* (курсив мой Л.М.) в присутствии представителя от полиции».² Для того, чтобы иметь достаточно наглядное представление о чудовищной зависимости «Собрания» от градоначальника, достаточно сказать, что имя градоначальника фигурирует в пятнадцати параграфах устава из 64-х и упоминается девятнадцать раз.

Члены гапоновского «Собрания» делились на три категории действительные члены, члены-соревнователи и почетные члены.

Действительными членами «Собрания» могут быть рабочие обоюго пола но непременно русского происхождения и христианского вероисповедания» (§ 19) Правда, в примечании к параграфу делалась оговорка что действительным членом может быть «в виде исключения рабочий-христианин и не русского происхождения, но русского подданства»³ Это исключение на практике использовалось крайне редко. Зато широко внедрялась политика великодержавного шовинизма и особенно антисемитизма. По свидетельству многих участников «Собрания» Гапон ненавидел евреев особой зоологической ненавистью, которых он «поносил» как вспоминает гапоновец А. Филиппов, «открыто, грубо и резко»⁴ В Карелина, одна из близких соратниц Гапона по работе среди женщин писала, что Гапон довольно часто заводил речь о том, что-де русский народ застенчив, что он всегда остается позади. «Правительство всегда всегда говорит Гапон, что инициатива принадлежит инородцам. Надо, чтобы сами русские заговорили. Поэтому я против допущения инородцев на собрания»⁵ О шо-

¹ ЦГИА СССР ф. 22, оп. 1, ед. хр. 749, л. 12.

² Там же, л. 3.

³ Там же, л. 6.

⁴ Филиппов А. Странички минувшего. О Гапоне, 1920, стр. 15

⁵ ЛПА, ф. 4000, оп. 6, ед. хр. 2, л. 14.

винистических тенденциях гапоновского «Собрания» говорит и само название общества «Собрание русских фабрично-заводских рабочих г. С-Петербурга» (курсив мой Л. М.)

При вступлении в действительные члены «Собрания» необходимо было уплачивать денежные взносы, затем систематически каждый месяц, платить членские взносы. Вступительные взносы были от 50 коп. до 1 рубля, а ежемесячные от 25 до 50 коп.¹

Членами-соревнователями могли быть лица «сочувствующие цели «Собрания» и вносящие ежегодно 100 рублей»² Такие члены считались «пожизненными членами-соревнователями» (§ 22)

Почетными членами могли быть лица, «сделавшие в пользу «Собрания» значительные пожертвования или оказавшие ему особые услуги» (§23)³

Например, в числе членом-соревнователей состоял полковник Коротков, который выступал перед гапоновскими рабочими со стихотворением «Хата Барыковой» «которое, как говорится в одном из протоколов гапоновского «Собрания»,— произвело видимое впечатление на товарищей, как близко соприкасающееся с безысходным горем бедняка рабочего и два другие, которые вызвали общее одобрение»⁴ Этот факт является свидетельством крайне низкого уровня сознательности рабочих, попавшихся на удочку подобного «благотельства» Почетным членом «Собрания», как уже упоминалось, состоял и сам градоначальник Фулон, который проявлял самое «живое сочувствие» деятельности его и делал довольно часто пожертвования на «нужды «Собрания».

Таким образом членами этого «рабочего общества» могли быть представители администрации, царские сановники, петербургские толстосумы, выставлявшие себя «благотельями рабочих»

Но тем не менее Гапон и руководящая верхушка общества всячески подчеркивали, что «Собрание русских фабрично-заводских рабочих» создано «для рабочих», что оно «призвано» защищать их интересы. Под этим началом культивировалось в гапоновском обществе враждебное отношение к интеллигенции. Об этом свидетельствуют многие гапоновцы: Варнашев, В. Карелина Карелин и другие. Причем, понятие «интеллигенты» часто отождествлялось с понятием «партийные»

¹ ЦГИА СССР, ф. 22, оп. 1, ед. хр. 749, л. 3:

² Там же, л. 6.

³ Там же, л. 7.

⁴ ГИАЛО, ф. 2231, оп. 1, хр. 1 л. 12.

Враждебное отношение к «инородцам», евреям, интеллигенции было ничем иным как использованьем в рамках полицейской организации гапоновского образца старого и проверенного принципа российской самодержавной реакционности «Разделяй и властвуй». И поскольку из присутствующих на «Собраниях» интеллигентов большей частью бывали представители революционной интеллигенции, те, кто должен был внести революционное сознание в рабочую массу, то общее враждебное отношение к интеллигенции помогало борьбе против революционной интеллигенции.

Таким образом враждебность к интеллигенции, насаждаемая в «Собрании русских фабрично-заводских рабочих» была способом борьбы против революционной интеллигенции, приходившей в это общество для разоблачения его полицейской сущности. Она призвана была препятствовать внесению социалистического сознания в неуклоно растущее стихийное рабочее движение.

Каждому члену «Собрания» выдавался устав, который являлся одновременно членским билетом. На обложке устава проставлялся номер, который являлся номером членского билета, и дата выдачи его. Вход в помещения «Собрания» производился для действительных членов по предъявлении ими билета с квитанцией об уплате единовременного вступительного взноса. Вход на собрания строго контролировался. Для этой цели сроком на одну неделю выделялись дежурные члены контролеры (не менее 3-х человек), которые стояли у входа в помещения «Собрания» и проверяли наличие билетов.

Цель подобного контролирования была очевидной необходимо было противодействовать появлению на собраниях общества лиц, которые могли бы проводить здесь антиправительственную агитацию. Как вспоминал гапоновец Варнашев, впервые заговорили о необходимости «не слишком свободно впускать, сдерживать партийных»¹ в августе 1903 года, то есть в ту пору, когда гапоновское «Собрание» делало свои первые шаги. Впоследствии многократно становился вопрос на кружковых заседаниях о порядке входа на «Собрание», о нарушениях, связанных с передачей членских билетов лицам, не состоявшим членами «Собрания». В протоколе кружкового заседания от 29 августа 1904 года указывалось на то, что билеты передаваемые другим лицам, могут быть использованы «нежелательными элементами и чтобы недопустить подобного нарушения, необходимо обратить «более строгое внимание» на порядок контроля при входе в зал для собрания»²

Кроме этого в обязанности контролеров, как говорилось

¹ ЛПА, ф. 4000, оп. 6, ед. хр. 2, л. 15.

² ГИАЛО, ф. 2231, оп. 1 ед. хр. 1, л. 14.

в Уставе «Собрания», входило наблюдение за тем, «чтобы на улице у подъезда, на лестнице и на дворе, занимаемого «Собранием» дома не собирались бы группами посетители ни для каких обсуждений и разговоров»¹

Однако, как бы не регламентировался вход в помещения «Собрания» и какие бы меры предосторожности не предпринимались, чтобы оградить общество от революционной пропаганды, необходимость расширения влияния общества и привлечения в него новых членов заставило Гапова внести в устав следующие положения позволявшие проникать в залы общих собраний гапоновского общества, хотя и без права голоса, лиц «случайных», не состоявших членами общества «На воскресных собраниях,— говорилось в примечаниях к § 34,— кроме действительных членов и членов-соревнователей может присутствовать и всякий трезвый рабочий по уплате 20 коп. за вход»². Таких карточек на 21 сентября 1904 года было роздано, по свидетельству исследователя профессионального рабочего движения в России, современника гапоновских событий В. Святославского, около двух тысяч³.

Это была одна из немногих возможностей, которая позволяла революционным пропагандистам проникать на гапоновские собрания

Итак, вход на гапоновское «Собрание» для «посторонних» был крайне затруднен. Казалось, что вся полицейская предусмотрительность была направлена на то, чтобы оградить массы гапоновских рабочих от лиц, могущих вести антигосударственную пропаганду. И тем не менее социал-демократические агитаторы бывали на «Собраниях» и разоблачали его полицейскую сущность.

Существовал особый порядок приема в действительные члены «Собрания», а действительных членов—в кружок ответственных лиц. Вопрос о приеме рассматривался правлением «Собрания» «Лицо, желающее вступить в действительные члены «Собрания»,— говорилось в двадцатом параграфе устава, подает в правление письменное о том заявление, означая в нем свою профессию и вместе с тем представляет рекомендацию-поручительство двух действительных членов»⁴. Для того, чтобы поступить в кружок ответственных лиц, которые безвозмездно должны были исполнять свои обязанности в течение целого года, необходимо было поручительство двух членов кружка ответственных лиц. Форма заявления была следующая: «Покорнейше прошу «Собрание»,— писал В. А. Андриш,

¹ ЦГИА СССР, ф. 22, оп. 1, ед. хр. 749, л. 11

² Там же

³ Святловский В. Профессиональное движение в России, СПб., 1907 стр. 80

⁴ ЦГИА СССР, т. 22, оп. 1, ед. хр. 479, л. 6.

принять меня в члены ответственного кружка. Имею свободное время, желаю послужить на пользу общества согласно § 12 нашего устава». Далее подпись действительный член № 919 Андри́н и приписка «за которого ручаемся, как честного человека, Александр Васильев, Василий Солдатов, Федор Гатушкин»¹

Интересно отметить, что в уставе гапоновского общества существовало положение, согласно которому служащие и мастера не могли состоять действительными членами «Собрания» (§ 19) Учитывалось общее недовольство рабочих мастерами, ревностно защищавшими интересы своих хозяев. А члены-соревнователи из мастеров, каковыми они оказываются могли состоять, могли присутствовать на собраниях только с особого разрешения руководителя общества. Для служащих никакого исключения не было. Очевидно это была одна из мер ограждения организации от влияния интеллигенции.

В уставе общества было записано, что почетные члены и члены-соревнователи не могли пользоваться пособиями из кассы взаимопомощи (§26), тогда как действительные члены, каковыми были непременно рабочие, могли, если верить уставу, «в трудные минуты жизни, через полгода со дня утверждения устава и после шести ежемесячных и одного единовременного установленных членских взносов, требовать себе пособия»² (§26) На практике дела с пособиями обстояли иначе. В документах, относящихся к истории гапоновщины многократно встречаются просьбы рабочих о материальной помощи, но ни разу они не были удовлетворены из фонда капитала взаимопомощи.

7 сентября 1905 года на четвертом районном заседании гапоновского кружка, когда устав общества еще не был утвержден, к собранию обратился за помощью рабочий Акимов, которому «собрали» с присутствующих и вручили 3 руб.»³,— сообщил агент департамента полиции.

22 августа 1904 года, когда прошло уже более шести месяцев со дня утверждения устава на заседании кружкового собрания за помощью к «Собранию» обратился рабочий Буянов. «Ему, находящемуся в беспомощном положении, общал протокол заседания,— был устроен братский сбор 7 руб. 60 коп.»⁴ Но можно предположить, что Буянов не имел еще права на получение пособия, так как дата вступления его в члены «Собрания», к сожалению, не известна. Однако последний документ не оставляет сомнения. 18 сентября 1904 года, после прошествия восьми месяцев со дня утверждения

¹ ГИАЛО. ф. 2231, оп. 1, ед. хр. 1, л. 33.

² ЦГИА СССР ф. 22, оп. 1, ед. хр. 749, л. 7

³ «Красная летопись» 1922, № 1, стр. 290.

⁴ ГИАЛО ф. 2231, оп. 1, ед. хр. 1, л. 9.

устава общества в протоколе общего для всех отделений общества собрания, отмечалось даже с определенной гордостью «. нужно заметить, протоколировал В Янов, что из основного капитала *взаимопомощи не истрачено ни одной копейки* из оборотного капитала выдано взаимобразию Выборгскому и Васильевскому отдела 368 р 39 к.»¹ (курсив мой — Л. М.)¹

Так Гапон утверждал свою, так называемую «истинно рабочую политику» в «Собрании русских фабрично-заводских рабочих», которая якобы призвана «защищать» интересы рабочих.

Одним из методов привлечения рабочих в «Собрание» было чтение лекций по различным общеобразовательным предметам геологии, текущей политике, рабочему вопросу, экономике, русской истории и т. д. Особые опасения вызывали у полиции лекции по «Родиноведению» и «Рабочему вопросу». Поэтому чтение лекций по этим предметам было обставлено всяческими предосторожностями. Чтение лекций было возможно только «с надлежащего разрешения»² и в присутствии представителя от полиции. Тематика лекций должна была непременно утверждаться градоначальником. Гапон лично подыскивал подходящие для лекторов кандидатуры, которые тоже должны были утверждаться градоначальником.

Лекции по русской истории читал редактор «Тюремного вестника» Малинин, лекции по экономике присяжный поверенный Финкельштейн (он же Финкель) по геологии Преображенский, по текущей политике Строев, сотрудник либерально-буржуазной газеты «Русская жизнь».

Но лекторов для «Собрания» было подыскивать крайне трудно, поэтому гапоновцы зачастую обходились собственными силами. Была создана из рабочих, которым Гапон доверял, коллегия пропагандистов. По свидетельству Святловского, эта коллегия к концу 1904 года состояла из 60—70 человек³. Осенью 1904 г (октябрь-ноябрь) решено было учредить даже добавочный взнос в размере 5—10 копеек «для целей пропаганды» как говорилось в казначейской книге⁴.

Из сохранившихся протоколов заседаний Нарвского отдела гапоновского общества очевидно, что лекции и беседы по рабочему вопросу на собраниях общества Гапон проводил большей частью лично. На общем воскресном собрании первого отдела 6 июля 1904 года Гапон говорил «о корне происхождения рабочего вопроса»⁵. Из полуграмотных записей

¹ ГИАЛО. ф. 2231 оп. 1, ед. хр. 479, л. 21

² ЦГИА СССР, т. 22, оп. 1, ед. хр. 479, л. 2.

³ Святловский В. Профессиональное движение в России. СПб., 1907

⁴ Там же. стр. 80.

⁵ ГИАЛО. ф. 2231 оп. 1, ед. хр. 1 л. 2.

секретаря первого отдела «Собрания» В. Янова, которые однако достаточно ясно передают суть выступлений Гапона, явствует, что Гапон говорил на этом заседании о существовании такой якобы эпохи, когда «между рабочими и хозяином» были «патриархальные отношения», введение новых орудий производства» явилось, по мнению Гапона, причиной того, что «труд рабочего стал обесцениваться». Появление безработицы, по словам Гапона, было «связано с конкуренцией женщин и детей» в сфере производства а также с такими явлениями, как «бедственные положения и неожиданные толчки»¹

Чтобы противостоять таким явлениям, по мнению Гапона «нужно единение» рабочих. О каком единении идет речь можно судить по следующим примерам, приведенным Гапоном во время беседы в Англии, говорил Гапон, существовало «индивидуалистическое направление..., которое стоило больших жертв, и рабочие не смогли все-таки без помощи правительства улучшить свое положение».

Достойным примером для подражания Гапон считал Германию, где, по дословному выражению протокола, «взято на правление такое, что рабочие развиваются и обеспечивают себя, идя вместе и под руководством правительства, что дало уже теперь прекрасные плоды»²

В России, рассуждал Гапон, тоже бывали моменты проявления «заботы и попечения о рабочих», но они были «недостаточными». Теперь же, объединяясь в общества под руководством правительства, русские рабочие должны, по мнению Гапона, смотреть вперед в светлое будущее, позабыв плохое прошлое (в протоколе так: «худое прошлое мы должны забыть и теперь глядеть вперед, как на светлую будущность»)³

Практическим способом утверждения «светлого будущего» по гапоновскому образу должна была быть «самодетельность» (словечко очень часто употребляемое Гапоном) Это, по разъяснению Гапона есть не что иное, как «открытие потребительных лавок» и касс взаимопомощи⁴ Открывать подобные лавки было поручено купцу Михайлову который как вспоминал гапоновец Княцев, «доставлял нам товары и руководил работой»⁵ т. е. практически осуществлял намеченный Гапоном план.

Так Гапон утверждал в сознании рабочих мысль, что главным виновником бедственного положения рабочих является не существующий капиталистический строй, основанный на классовой эксплуатации рабочих хозяевами хищническим

¹ ГИАЛО, ф. 223 оп. 1 ед. хр. 1, л. 2.

² Там же.

³ Там же, л. 16.

⁴ Там же л. 2.

⁵ ЛПА, ф. 4000, оп. 6, ед. хр. 2, лл. 31—32.

использовании капитализмом рабочей силы, а такие «чисто объективные» явления как технический прогресс, кризисное развитие капиталистического производства и конкуренция более дешевой рабочей силы. И выход из подобного положения не в политической борьбе за свержение существующего строя которая якобы может принести только «массу разрушений» а в «рабочих объединениях», которые посредством кооперации и самопомощи, при самом участливом отношении правительства к деятельности рабочих, могут улучшить экономическое положение рабочих. Здесь очевидно абсолютное повторение тех же мыслей, которые проповедовали правые ревизионисты и Зубатов, учившийся у них и учивший Гапона.

Таким образом, пропагандистская деятельность в гапоновском «Собрании», где особое место занимали лекции по родноведению и по рабочему вопросу которые, по уставу общества, должны были разъяснять и указывать «рабочему его правое положение и законные пути выхода из невежества и грязи к свету»¹, были на самом деле методом одурачивания рабочих, попавших на удочку полицейской провокации, методом отвлечения их от задач политической революционной борьбы

В сферу деятельности гапоновского общества входила и работа среди женщин. Организатором этих собраний была В. М. Карелина, жена А. Карелнна, казначея общества. На женских собраниях присутствовали женщины разных возрастов, даже весьма пожилые, которых, как и многих других, привлекала священническая ряса руководителя общества

По свидетельству многих гапоновцев, женские собрания отвлекли мужчин от работы в обществе, для того, чтобы завоевать доверие и расположение темной забитой и невежественной массы женщин-работниц и тем самым расширить сферу влияния гапоновского общества.

Сам Гапон одобряя и содействуя деятельности женских отделений, довольно неохотно бывал на женских собраниях, он говорил о том свидетельствовали очевидцы что масса женщин производит на него очень тяжелое впечатление. «... как посмотрю я на ваших заседаниях на лица женщины, говорил Гапон В. Карелиной, то мне жутко становится такие они все измученные, бледные, в глазах тоска и мало мысли»

Женские отделения «Собрания», имевшие своих собственных представителей, секретарей, не были полноправными в гапоновском обществе. Женщины не могли занимать в обществе как-либо ответственные должности. О чем в уставе записано «Лица женского пола не могли быть избираемы

¹ ЦГИА СССР, ф. 22, оп. 1, ед. хр. 749, л. 2-3.

² ЛПА, ф. 4000, оп. 5, ед. хр. 329, л. 11

в члены правления» (§ 36)¹ Женщинам разрешалось быть на общих собраниях распорядительницами танцевальных вечеров их могли избирать в хозяйственные комиссии. Женские собрания были как бы изолированными объединениями. «Женщины старались не допускать на свои заседания мужчин»² вспоминала Карелина

На заседаниях часто проводились беседы, устраивались литературные вечера. Последние сводились к чтению каких-либо рассказов. Очень многие гапоновцы вспоминают о том, что во всех женских отделах (затем и мужских) читался рассказ В. Темных «В проходной», найденный В. Карелиной в журнале «Русское богатство». В этом рассказе красочно был изображен обыск работниц на проходной. Обыски как правило, носили унижительный для женского достоинства характер. «Часто они происходили, — писала Карелина, в присутствии мастеров и другой администрации. Конечно, ясно зачем они собирались около выхода работниц с фабрики. Во время обыска, особенно девушек, они отпускали свои острооты, какого содержания об этом говорить излишне, ведь им с нашим братом фабричной работницей церемониться нечего, все вытерпит, что ни скажут. Пожилые женщины отругивались, а девушки спешили уйти. Не было пощадки и девочкам лет тринадцати четырнадцати, все шло подряд»³ Тема была чрезвычайно актуальной, рассказ производил на слушательниц большое впечатление.

В И. Ленин называл подобную литературу «экономическими (фабричными) обличениями» «тред-юнионистской деятельностью», которой чрезмерно увлекались «экономисты» и которую с успехом использовали гапоновцы «Эта «обличительная литература», писал В. И. Ленин в книге «Что делать?», — производила громадную сенсацию не только на той фабрике, порядки которой бичевал данный листок, но и на фабриках, где что-нибудь слышали о разоблаченных фактах. разоблачение оказывало страшно возбуждающее действие, вызывало со стороны рабочих общее требование устранить самые вопиющие безобразия, готовность поддерживать эти требования стачками»⁴ Однако задача гапоновских собраний состояла в том, чтобы используя эмоциональные моменты воздействия на слушателей и тем самым привлекая их в «Собрание» мнимой «революционностью», отвлечь

¹ ЦГИЛ СССР, ф. 22, оп. 1, ед. хр. 749, л. 9

² ЛПА, ф. 4000, оп. 5, ед. хр. 328, л. 4

³ Там же.

⁴ В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 54—55.

их от участия в подлинно революционной борьбе, которая показывала пути и методы свержения существующего режима. Не случайно, что в качестве «обличителя» выступал в «Собрании» жандармский полковник Куротков (о чем речь шла выше) а также легальное буржуазное издание, фактически с успехом используемое гапоновцами.

Таким образом женские отделения гапоновского общества, являясь далеко не полноправными отделениями, имели общую характерную для общества в целом полицейско-верноподданническую направленность и служили тем же целям отвлечения масс от задач революционной политической борьбы.

Порядок ведения дел «Собранием» был, как правило, следующий: собирались гапоновцы три раза в неделю, по средам, субботам и воскресеньям. В субботу собирался только кружок ответственных лиц, который решал все текущие деловые вопросы, готовил программу действий на воскресенье. По воскресеньям бывали общие собрания гапоновцев, на которых читались лекции, происходили литературно-вокальные вечера, танцы, чаепития. Начиная с апреля, общие собрания стали практиковаться и по средам. Среда была большей частью днем лекционным. Субботние кружковые собрания происходили по вечерам с половины девятого, воскресные и по средам — с трех часов дня и до самой поздней ночи¹. Бывали, по свидетельству многих гапоновцев, и еще более узкие, чем субботние, заседания, на которых присутствовал контингент самых доверенных лиц Гапону, где намечалась программа действий всего «Собрания» и методы претворения этой программы в жизнь².

Открывалось и закрывалось «Собрание» пением молитв.

Обычная программа действий гапоновских собраний сопровождалась довольно часто неожиданными, но закономерными отступлениями, которые дают наглядное представление о духе, царившем на собраниях.

Так на собрании 26 августа 1904 года разбиралось «Заявление Колесова о пуговице, найденной в вешальной кружке» (такая кружка существовала для пожертвований и вместо денег в ней оказалась пуговица), или вопрос о двух вешалках, за которые было заплачено, по мнению одного из членов, слишком дорого. О чем в протоколе записано: «По требованию Г. Игнатьева (при чем он производил шум) за 2 вешалки (маленькие) уплачено 7 руб. На заявление г. предсе-

² «Минувшие годы», 1908, № 3, стр. 40.

дателя обождать приезда отца Георгия, он не нашел нужным ждать»¹.

Интересно отметить, что желая создать видимость особого братства и товарищества в гапоновском псевдорбочем обществе, члены его обращались друг к другу, используя демагогически слово «товарищ», популярную среди революционных рабочих форму обращения, возникшую в ходе классовых боев пролетариата за свое освобождение.

И в то же время на собраниях насаждался руководящей верхушкой общества дух недоверия и подозрительности, как способ борьбы с революционным социал-демократическим влиянием на массы гапоновцев. Гапон очень часто подчеркивал необходимость «товарищам» в случае возможности вреда в нанесении обществу... следить друг за другом»²,— протоколировал секретарь кружкового собрания 26 августа 1904 года.

В другом протоколе от 13 июня 1904 г Гапон, уходя в отпуск, выражал надежду и уверенность, «что члены будут стараться высоко держать свое знамя, по возможности стараясь не допускать в свою среду вредных для себя людей»³.

Таким образом, страх Гапона и руководящей верхушки общества перед революционным влиянием на массы рядовых гапоновцев был очень велик, что само по себе уже является свидетельством действительности этого влияния.

Много внимания в своем обществе Гапон уделял воспитанию так называемых «высоких» верноподданнических чувств среди членов его.

Так, на общем собрании Нарвского отдела общества 6 июня 1904 г Гапон высказал соболезнование по случаю «несвоевременной кончины генерал-губернатора Бобрикова», проводившего, как говорилось в протоколе собрания, «идею самосознания и развития русских людей и погибшему от руки иноверца»⁴. В честь генерала Бобрикова была пропета всем собранием «Вечная память»⁵.

С «глубоким трауром» было встречено «Собранием» известие об убийстве Плеве, которое произошло 14 июля 1904

¹ ГИАЛО, ф. 2231, оп. 1, ед. хр. 1, л. 7

² Там же, л. 13.

³ Там же, л. 222.

⁴ ЛПА, ф. 4000, оп. 6, ед. д хр. 2, л. 13.

⁵ Указом 9 апреля 1902 года в Финляндии, входившей в состав России, был введен особый цензурный и административный гнет, вызвавший протест финского народа и широкой русской общественности. Этот гнет нашел свое законченное выражение в открытой диктатуре генерал-губернатора Бобрикова, который насаждал в стране полицейско-жандармский произвол: обыски, аресты, ссылки в Россию, высылки финских граждан за границу Убит в 1904 году местными террористами. ,

года¹. «Собрание», по совету Гапона, решило возложить венка на могилу Плеве, для чего была избрана особая делегация в составе шести человек². Всем желающим было предложено участвовать в панихиде. Возложение венка произошло в торжественной обстановке. Была отслужена панихида в которой участвовал и хор «Собрания» под управлением товарища Сорокоумова, за что ему и хору была выражена благодарность³ — свидетельствовал протокол общего собрания от 29 августа 1904 года.

В то же время как Гапон выражал сочувствие по случаю смерти Бобрикова и Плеве, Петербургский комитет РСДРП в листовке от 15 июля 1904 года писал. «Плеве убит, радостно вздохнет каждый обитатель обширной Руси, услышав благую весть. Наказан злодей, думает всякий, не потерявший способность чувствовать. Наказан вешатель! Убит убийца рабочих! Убит жестокий представитель кровавого самодержавия! Плеве нет. Отрублена у гидры одна голова, но есть еще девяносто девять. Головы новых защитников самодержавия растут из гнилого болота обывательской тупости, из тины темноты и невежества. Плеве убит, но система жива, и новый Плеве скоро, может быть завтра, проявит свои жестокости, свое зверство в защиту самодержавия, как место Бобрикова занял Оболенский, так и место Плеве займет новый злодей»⁴.

Предсказания ПК РСДРП сбылись. На смену Плеве пришел новый, не менее жестокий министр внутренних дел Святополк-мирский, который явился одним из главных виновников кровавого расстрела рабочей манифестации 9 января 1905 года, организованной гапоновским провокаторским «Собранием русских фабрично-заводских рабочих».

Последний отдел гапоновского общества был открыт накануне нового 1905 года в рабочем пригороде Колпино в условиях начавшейся стачки на Путиловском заводе.

В этот период, по свидетельству казначея гапоновского общества, в его составе насчитывалось около 9 тысяч членов⁵.

31 декабря 1904 года, выступая с приветствием и поздравлением в Нарвском отделе «Собрания», Гапон говорил о задачах общества и пользе его для рабочих. В условиях назре-

¹ Плеве, министр внутренних дел, всесильный временщик царского правительства, ярый реакционер, был убит по решению боевой организации партии эсеров Е. Сазановым, кинувшим бамбу под каляску, в которой находился Плеве.

² ГИАЛО, ф. 2231, оп. 1, ед. хр. 1. л. 13.

³ Там же, л. 13.

⁴ «Листовки петербургских большевиков, 1902—1917 гг.», т. 1 л. 1939, стр. 129.

⁵ ЛПА, ф. 4000, оп. 6, ед. хр. 2, л. 17

вавших революционных событий Гапон, как вспоминают путиловские рабочие, акцентировал внимание окружающих на том, что в общество «входят некоторые высокопоставленные лица», которые, как говорил Гапон, «всецело стоят на защите интересов рабочих и своим вниманием обуздывают алчные аппетиты фабрикантов и заводчиков»¹ И рабочим, по утверждению Гапона, «не надо беспокоиться за свое будущее, ибо они находятся под надежной защитой»².

Наряду с этим Гапон, выступая в отделах общества, призывал рабочих не слушать социал демократических ораторов и не читать их агитационных листов. «Гапон просил рабочих листов не читать, а уничтожать, разбрасывателей же гнать и никаких политических вопросов не затрагивать»³,

свидетельствую документы охранного отделения от 4 января 1905 года. Итак, — верноподданническая, полицейско-провокаторская сущность гапоновщины очевидна. Вызванная к жизни царской администрацией с целью отвлечения рабочего класса от задач политической борьбы, гапоновщина показала в определенный непродолжительный период времени изощренные образчики провокаторства но была обречена. С помощью разоблачительной кампании большевиков, а так же на собственном политическом опыте народные массы убедились в крайней реакционности «Собрания русских фабрично-заводских рабочих» и пошли по пути революции. Оценивая итоги деятельности гапоновской организации, В. И. Ленин писал в январе 1905 года в работе «Революционные дни» „Как бы ни были «хитры» планы реакционной придворной клики, действительность классовой борьбы и политического протеста пролетариев, как авангарда всего народа, оказалась во много раз хитрее. Что полицейские и военные планы повернулись против правительства, что из зубатовщины, как мелкого повода, выросло широкое, крупное, всероссийское революционное движение,—это факт»⁴

¹ Там же, оп. 5, ед. хр. 446, л. 2.

² Там же.

³ ГИАЛО. т. 2075, оп. 6, ед. хр. 218, л. 10.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 9. стр. 211.